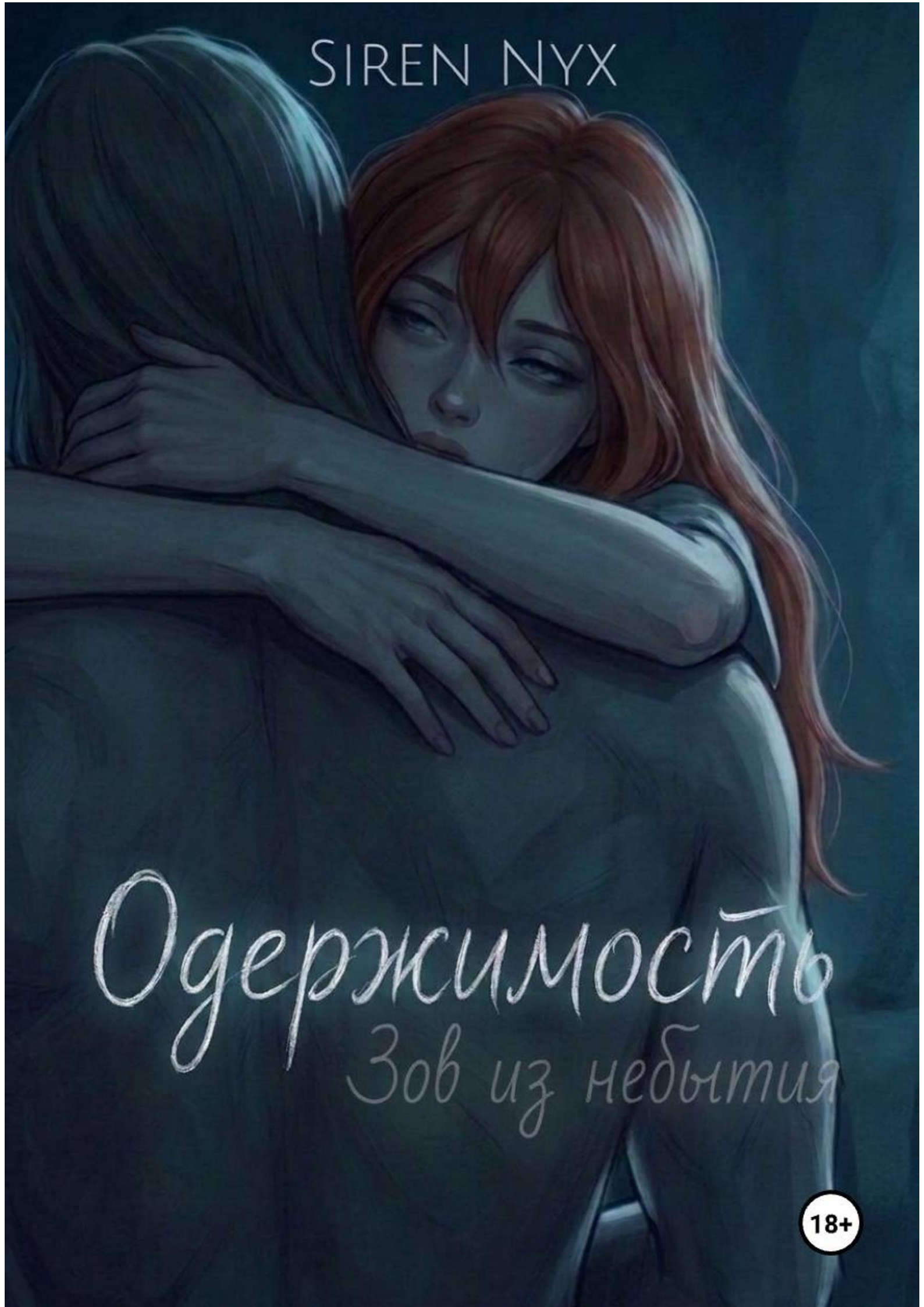
SIREN NYX
Одержимость
Зов из небытия
18+

Комикс "Одержимость" (Блутор)

Siren Nyx

Зов из небытия

«Автор»
2026

Nyx S.

Зов из небытия / S. Nyx — «Автор», 2026 — (Комикс "Одержимость" (Блутор))

Полная история по полюбившемуся вами комиксу :* 18+ Все персонажи совершеннолетние.Здесь будет глухая тоска по нему, бессонные ночи над древними манускриптами на латыни и отчаянная попытка вернуть его с того света. Сможет вернуть?

© Nyx S., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. 7
Глава 2. 9
Глава 3. 11
Глава 4. 13
Глава 5. 16
Глава 6. 18
Глава 7 20
Глава 8. 23
Глава 9. 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Siren Nyx
Зов из небытия

Пролог

Говорят, время лечит..



Врут. Время не лечит. Оно просто заталкивает тебя в глухой, ватный угол, где нет воздуха, где стены Алфеи давят на виски, а солнце в окне кажется насмешкой. За стеклом зеленеют деревья, девочки смеются, перебирают платья, делятся какими-то глупыми девичьими радостями. Их мир цветной. А мой выцвел дотла.

Я сижу на холодных ступенях лестницы, обхватив колени руками, и смотрю на них сквозь эту свинцовую пелену. Они живые. А я — просто тень, застрявшая между вчерашним днем и собственной памятью.

Ночью, когда комната погружается в синеватый мрак и в тишине слышится только ровное дыхание подруг, меня накрывает по-настоящему.

Я зарываюсь лицом в подушку, но здесь больше не пахнет им.

Ни озона, ни жженой меди, которая всегда шла за ним по пятам. Только пустая, чужая постель. На левом запястье давно затянулась шрамом фиолетовая метка, но под кожей всё так же туго, до слёз в глазах, натягивается тонкая невидимая струна. Связь, которую не оборвать никакой победой.

Тот вечер в его полуразрушенном замке, когда он склонился надо мной, исцеляя после схватки. Мы сидели у костра в пустом, гулком зале, и я помню оцепенение, навалившееся на меня от того, каким тихим, раненым и безумно уязвимым он вдруг оказался. Не страшный «темный маг», не разрушитель миров, а человек с застарелой, невыносимой болью на дне серых глаз. И этот поцелуй… такой неожиданный, сбивающий с толку, полный жара и горечи. Меня тянуло к нему так отчаянно, что земля уходила из-под ног, а рассудок плавился от одного прикосновения его холодных пальцев.

Тогда я испугалась и отреклась.

А теперь бы отдала всё на свете, чтобы вернуть ту минуту.

Весь этот правильный, светлый мир твердил мне, что он монстр, который хочет уничтожить Магикс. Но никто из них не знал его так, как знала я. Никто не видел, как он смотрел на меня во время битв — в этих глазах никогда не было жажды убийства. Была только тяжелая, выстраданная глубина и одиночество, равного которому нет во всей вселенной.

Он единственный за всю жизнь принял меня до конца. Со всей безумной, разрушительной яростью моего Пламени. Рядом с ним мне не нужно было притворяться хорошей, прятать искры, бояться собственной силы. Мои близкие, мои друзья вечно смотрели на меня с испугом, заставляя чувствовать себя проклятой, виноватой за каждый неверный вздох, заставляя гасить бурю внутри до жалких угольков.

А он звал к себе.

И даже когда мы сходились в жестоких схватках, он никогда не делал мне больно. Он защищал меня от чужих клинков, закрывал собой, даже когда я кричала от ненависти.

А потом было то утро…

Слепая, запредельная вспышка тьмы трех Древних Ведьм, летевшая прямо мне в грудь. И его резкий шаг вперёд. Он принял этот удар на себя — тот самый удар, который должен был стереть меня с лица земли.

Зачем ты это сделал? Валтор?…

Тишина комнаты давит в груди так, что невозможно вдохнуть.

Я медленно поднимаюсь с постели. Босые ступни касаются холодного пола, но мне всё равно. Я набрасываю на плечи накидку, натягиваю капюшон и подхожу к окну. В груди больше нет страха — только выжженная, злая решимость. Хватит умирать в этой пустой тишине..

Я найду способ. Слышишь? Я верну тебя.

Глава 1.

Лес за Алфеей встретил меня глухим, промозглым молчанием.

Здесь не было золотого солнца и звонких голосов. Только серые, ощетинившиеся голыми ветками сосны, сырая земля под ногами и тяжелое, неподвижное небо, похожее на остывший пепел. Я шла сквозь чащу босиком, не разбирая дороги. Ветки царапали лодыжки, острые камни резали кожу до крови, но эта тупая, физическая боль была единственным доказательством того, что я всё ещё существую. Что я не призрак, застрявший в кошмаре.

Ноги сами знали дорогу. Туда, где среди мертвых скал и выжженной земли застыл его замок.

Когда из-за пелены тумана показались черные, изломанные башни цитадели, внутри меня оборвалась последняя струна. Замок молчал. Он дышал привычным, ледяным безмолвием, но в самом воздухе вокруг стен уже угадывался едва ощутимый, призрачный жар. Так реагировала тёмная материя под моей кожей на приближение первородной энергии. Или на то, что от неё осталось.

Я шагнула за обрушенный порог главного зала.

Каменный пол прожег ступни ледяной судорогой. Здесь не было ничего, кроме голых, монолитных стен, узкой щели серого окна и пронзительного, звенящего одиночества. Но я шла не в парадные залы. Я шла туда, где всё началось и где всё оборвалось.

В дальнее крыло, к тому самому кострищу.

Я опустилась на колени прямо на холодные камни, не обращая внимания на пыль и сажу. Вот здесь. На этом самом месте он сидел в ту ночь. Я протянула дрожащие пальцы к остывшей золе, зарылась ладонью в серый порошок и почувствовала, как к горлу подкатывает жгучий, спазматический ком.

— Ты обещал… — шепотом сорвалось с губ, и голос разбился о каменные своды эхом.

Я зажмурилась, изо всех сил втягивая носом воздух. Если сидеть здесь достаточно долго и не дышать слишком громко, казалось, будто сквозь запах сырого камня и старой гари пробивается тот самый шлейф. Озон и жженая медь. Его запах. Родной, въевшийся в самую память кожи, от которого внутри всё сжималось в тугой, ноющий узел.

Я коснулась обугленных поленьев кончиками пальцев.

— Гори, — прошептала я в пустоту, вкладывая в этот тихий выдох всю оставшуюся под кожей силу. — Ради меня… ещё раз.

На кончике указательного пальца вспыхнул крошечный язычок пламени. Но он не был оранжевым... Мой огонь стал грязно-фиолетовым, багровым, густым, как свернувшаяся кровь. Он лизнул сухое дерево, заставив поленья слабо треснуть, и по залу разнесся слабый, призрачный свет.

Я смотрела на этот чужой, темный огонь и отчетливо вспоминала наш разговор у этого костра. Тогда он казался мне воплощением зла. А теперь… теперь я бы отдала вечность за то, чтобы он сидел напротив, смотрел на меня своими невыносимо серыми глазами и молчал. Или говорил что-то колючее, ядовитое, но живое.

Оставив костер тлеть, я поднялась и побрела по полуразрушенным коридорам в его личную библиотеку.

Дверь поддалась тяжелым скрипом. Внутри царил полумрак. Толстый слой пыли покрывал массивные дубовые столы, ряды тяжелых фолиантов в потрепанных кожаных переплетах и тяжелые подсвечники. Но больше всего меня тянуло не к чужим книгам.

Я подошла к рабочему столу, где стопкой лежали его собственные записи.

Рука дрогнула, когда я коснулась пергамента. Я открыла первый попавшийся лист и замерла, чувствуя, как внутри обрывается всё. Его почерк. Широкий, размашистый, уверенный, с резкими нажимами и чуть резковатыми углами букв.

Он писал это сам. Своей рукой.

Я водила пальцами по строчкам, вчитываясь в черные чернила, и мне казалось, будто я касаюсь его кожи. Здесь не было заклинаний разрушения или планов захвата Магикса. Здесь были его мысли, его расчеты, его исследования первородной тьмы и света — то, о чем он думал, когда оставался один в этой цитадели.

Я перелистывала страницу за страницей, жадно впитывая каждую букву, каждую пометку на полях, сделанную его рукой. На одной из страниц я заметила зачеркнутую фразу и короткую едкую приписку на полях, сделанную наспех: *«Глупо пытаться удержать то, что создано гореть»*.

Слеза сорвалась с ресницы и упала прямо на пергамент, расплываясь темным пятном по его почерку.

Я судорожно смахнула её рукавом, боясь испортить, уничтожить хотя бы частичку того, что от него осталось.

— Ты не просто горел, Валтор… — всхлипнула я в тишине библиотеки, прижимая тяжелый фолиант к груди, туда, где дико и надрывно билось сердце. — Ты сгорел за меня.

Я прижалась лбом к холодному краю дубового стола, зарываясь пальцами в собственные волосы, и позволила себе наконец закричать — тихо, заглушая крик в собственных ладонях, выплакивая всю ту невыносимую, звенящую пустоту, что скопилась внутри за эти месяцы.

В библиотеке пахло бумагой, озоном и пылью.

И ничто в мире уже не могло заставить меня поверить, что он был просто чудовищем. Чудовища не оставляют после себя столько боли и так отчаянно, до последнего вздоха, не защищают тех, кого ненавидят.

Глава 2.

Когда я бесшумно вернулась через створки балконного окна в свою спальню, за дверями уже начинала просыпаться привычная жизнь Алфеи. В коридорах хлопали двери, раздавались звонкие голоса фей, спешащих на ранние лекции и тренировки. Для них это был рядовой, ничем не примечательный день. Для меня же эта граница разделяла две разные реальности: ту, что осталась позади, и ту, к которой предстояло привыкнуть.

В комнате пахло лавандовым мылом и цветами...

Я развязала тесемки на груди и сбросила с плеч его бордовый плащ. Ткань тяжело упала на кровать, словно раненая птица. Оставить его в замке я не могла — там, среди ледяных камней, он бы окончательно превратился в прах, стал бы частью мертвой цитадели. А здесь, в самом сердце школы, этот плащ был запретным, греховным якорем. Руки дрожали, когда я бережно, словно живое существо, свернула его и спрятала на самую дальнюю, темную полку шкафа, задвинув за коробки. Захлопнув дверцу, я прижалась к ней лбом, зажимая рот ладонью, чтобы заглушить рвущийся наружу сухой, надрывный всхлип. Пустота внутри стала осязаемой — она давила на ребра, выжигая изнутри всё живое. Я выплакала всю боль там, в руинах, у его пепелища, и теперь во мне осталась лишь звенящая, мертвая тишина.

Стелла вошла без приглашения, кутаясь в шелковый халат. Она выглядела встревоженной, но сразу перешла к делу, усаживаясь на край моей кровати:

— Блум… Ты должна это услышать от меня, пока по Алфее не поползли слухи. Прошлой ночью, когда ты еще не вернулась, мне звонил Брендон... Они со Скаем и остальными парнями жутко разругались.. Скай снова пытался выкручиваться насчет Диаспоро, что встречаться с ней за твоей спиной ему приказывает отец, и Ривен сорвался — прямо в лицо назвал его трусом и ублюдком, который рушит твою жизнь. Тимми пытался их разнять. Брендон переживал, что ты узнаешь об этом скандале и будешь сильно переживать.

Я слушала ее спокойным, размеренным взглядом, стоя у окна. Логика этого разговора наконец встала на свои места без лишней путаницы. Теперь я все поняла.. Мне не показалось тогда.. эти царапины на его лопатках и плечах.. эти следы на его шее.. Пазл окончательно сложился.

— Передай Брендону, чтобы успокоился, — ровно ответила я, слегка улыбнувшись. — Я не расстроена. На самом деле... мне даже легче, что всё наконец вскрылось.

Стелла удивленно выгнула брови, вглядываясь в мое лицо:

— Легче? Блум, погоди... Ты серьезно? После всего?

— Абсолютно, — кивнула я. — Пойдем лучше выпьем чаю, девочки наверняка уже проснулись.

День тянулся своим чередом. Мы сидели в гостиной вместе с Музой, Текной и Лейлой, пили остывший чай и обсуждали какие-то учебные мелочи. Я спокойно поддерживала беседу, улыбалась и чувствовала себя на удивление гармонично.

Ближе к полудню я вышла во внутренний двор Алфеи подышать свежим воздухом.

Солнце заливало аллеи мягким золотистым светом. Я присела на каменную скамью возле фонтана и стала смотреть на главные ворота, где как раз приземлился корабль Специалистов. Из люка один за другим вышли Брендон, Набу, Тимми и Ривен. Они сразу направились к своим девушкам, обнимая их с привычной нежностью.

А следом за ними шел Скай.

Заметив меня на скамье, он резко изменил направление и быстрыми шагами пересек двор. По его напряженному лицу и судорожно сжатым губам было сразу понятно: он идет заводить свой привычный разговор про давление отца, королевские обязанности и то, как сильно он запутался.

Раньше я бы напряглась, ожидая тяжелого объяснения. Теперь же во мне было лишь прохладное, вежливое равнодушие.

— Блум…Можно? — выдохнул он, останавливаясь передо мной. Его голос заметно дрожал от неуверенности и чувства вины. — Прости. Я знаю, как всё это выглядит со стороны. Родители давят со всех сторон, Совет требует свадьбы с Диаспоро, но поверь, это чистая политика! Я люблю только тебя, Блум. Просто дай мне немного времени, мы во всем разберемся, я обещаю.

Я спокойно посмотрела на него снизу вверх. Никаких упреков, никаких слез или драмы в моих глазах не было.

— Скай, прекрати, — произнесла я ровно и мягко. — Тебе не нужно оправдываться. Я не сержусь на тебя. Честно.

Он опешил, явно ожидая привычного скандала или истерики:

— Что?.. Блум, ты не злишься? Значит, мы можем всё исправить?

— Нет, Скай, исправить уже ничего не нужно, — так же спокойно ответила я, слегка пожав плечами. — Но давай не будем портить то хорошее, что между нами было. Зачем эти пустые драмы и взаимные претензии? Давай просто останемся друзьями. Так будет лучше для нас обоих.

Скай замер в полном ступоре, глядя на меня так, будто видел впервые в жизни.

— Друзьями?.. Блум, ты говоришь об этом так легко, будто тебе вообще всё равно...

— Именно так, Скай. Я не держу зла, — ровно подтвердила я, поднимаясь со скамьи. — Мне просто больше нет до этого дела.

Не дожидаясь его ответа, я развернулась и ровной походкой направилась к главному корпусу.

Внутри меня царила абсолютная гармония. Весь этот светлый мир Алфеи с его условностями и чужими ожиданиями больше не имел надо мной никакой власти. А где-то там, за гранью привычного света, ждал Валтор — тот, кто принимал меня целиком без остатка. И с каждым шагом я отчетливо понимала, что скоро вернулась бы туда, где действительно должна быть.

Каждый шаг отдавался глухим, уверенным стуком в тишине аллей. С каждым мгновением я всё отчетливее осознавала, что эта точка в отношениях со Скаем — не конец, а лишь начало чего-то гораздо более мощного и настоящего. Пусть они продолжают жить своими жизнями. Мое пламя требовало другого топлива, другого масштаба, другой свободы. И я знала, что найду её.

Глава 3.

Ночи в Алфее давно перестали приносить покой. Для меня они стали единственным мостом, ведущим туда, где рушился привычный мир и догорали пепельные искры моей души.. Когда башни колледжа погружались в глубокий сон, а дежурные преподаватели гасили магические светильники в коридорах, я набрасывала на плечи бордовый плащ — единственный живой оберег, хранящий тепло его прикосновений — и бесшумно выбиралась через балконное окно в прохладную темноту.

Шаг за грань. Туда, где среди мертвых, обугленных деревьев и багрового неба возвышался замок Валтора.

Но я была там не одна в своем безумии. Девочки знали всё. Они видели эту кровоточащую, незаживающую рану в моей груди, чувствовали каждую волну моего отчаяния и глухой тоски по тому самому монстру, от которого содрогался весь Магикс. Они знали, что я грезила тем, кто разбудил во мне истинное, разрушительное пламя и принял мою тьму без единого упрека. И хотя директриса Фарагонда держала школу в ежовых рукавицах, требуя безукоризненного послушания, мои подруги каждую ночь превращались в мой щит.

В те редкие ночи, когда тревога сжимала горло особенно сильно, мы собирались в нашей спальне. Я помню этот приглушенный свет ночника, дрожащий голос Стеллы и ее влажные от слез глаза, когда она в сотый раз повторяла, сжимая в кулаках край простыни:

— Она снова ушла туда… К его замку. Боже, девочки, мне страшно за нее. Она добровольно идет в это пепелище, где от него остались лишь холодные камни. Что, если она не вернется? Что, если эта тоска поглотит ее без остатка?

Флора тихо сидела рядом, обнимая Стеллу за плечи, ее собственный взгляд был полон тяжелой, разделенной на всех боли:

— Мы не можем ее остановить, Стелла. Ты же видишь — без него она просто тень. Ее душа там, среди руин.

А Текна, обычно такая рассудительная, сглатывала подступающий ком и добавила с непоколебимой твердостью:

— Фарагонда начинает подозревать неладное. Проверки стали чаще. Но мы прикроем. Всегда…

И они прикрывали. Накладывали сложные иллюзии спящих тел на мою пустую кровать, отводили глаза ночным патрулям и оберегали мой секрет ценой собственных нервов. Их преданность резала по живому, но остановить меня не могла даже смерть.

Каждую ночь я спешила туда... Раскладывая вокруг себя потрескивающий костер, чей багровый свет выхватывал из темноты высокие своды, я раскрывала тяжелые, окованные кожей фолианты. Это были его личные манускрипты, черновики заклинаний и трактаты по древней магии.

Почти все они были написаны на чистой латыни — том самом сакральном, первородном языке магии, на котором звучали заклинания созидания и распада. Для любой другой феи эти страницы остались бы мертвым грузом, нечитаемой абракадаброй. Но для моего пламени латынь была родным наречием. Буквы танцевали перед глазами огненными змейками, а я вчитывалась в каждую строчку, стирая пальцы в кровь о шероховатую, древнюю бумагу.

Боль утраты выжигала изнутри, но с каждой разобранной страницей в остывающем сердце расцветала безумная, отчаянная искра надежды. Я искала заклинание возвращения. Способ пробить брешь между мирами и вытащить его из небытия.

Я не позволю времени забрать тебя у меня — шептала я в тишину пустых коридоров, скользя пальцами по строчкам, где описывалась природа душ и привязанность стихий.

Шли недели. Ночи сливались в сплошную череду пепла, латыни и тугой боли. И вот в самую глухую пору ночи, когда небо над замком казалось особенно черным, мой палец замер на странице, скрытой под сложным, многоуровневым защитным плетением. Воздух вокруг внезапно уплотнился, зазвенел от колоссального напряжения, запахло озоном, медью и раскаленным железом.

Я всмотрелась в текст. Это было оно.

Древний ритуал связи крови и возвращения сущности из пространства междумирья. Латинские термины складывались в безупречную, пугающе сложную систему. Заклинание требовало колоссальной жертвы и абсолютного контроля, но оно существовало! Оно было здесь, прямо перед моими глазами. На секунду мне показалось, что воздух вокруг дрогнул, будто невидимая рука коснулась моего плеча, подтверждая догадку.

Надежда обожгла вены сильнее любого пламени. Я нашла зацепку. Я смогу его вернуть.

Но стоило мне мысленно проговорить последние строки заклинания на латыни, пытаясь осознать масштаб предстоящей работы, как на меня обрушился чудовищный, сокрушительный ментальный удар.

В глазах мгновенно вспыхнули белые искры, а затем мир вокруг поплыл в густую, удушающую пелену. Земля качнулась под ногами. В висках застучало так яростно, будто изнутри череп разрывали удары молота. По телу прокатилась волна ледяного пота, сменившись жуткой, парализующей слабостью. Казалось, само прикосновение к этой запретной магии выпило из меня все соки, каждую унцию драгоценной энергии.

Голова кружилась до тошноты. Ноги налились свинцом, отказываясь подчиняться. Удушающая, давящая волна усталости навалилась на плечи неподъемной плитой, требуя немедленно рухнуть прямо здесь, на холодные камни руин.

С трудом удерживая равновесие и прижимая бесценную книгу к груди, я чудом заставила себя сделать шаг за шагом. Сквозь пелену перед глазами я пробралась через лесной массив, преодолела периметр Алфеи и бесшумно влезла в свое балконное окно.

Оказавшись в комнате, я обессиленно прислонилась спиной к стене, тяжело и прерывисто дыша. В глазах все еще двоилось, тело ломило от темной магии, а кожа казалась липкой от дорожной пыли и холодного пота. Спать хотелось безумно, каждая клеточка требовала забытья, но я знала, что сначала мне нужно смыть с себя этот призрачный пепел. Собрав последние крохи воли, я перевела тяжелый взгляд на дверь ванной комнаты, чувствуя, как горячая вода сейчас — единственное, что способно вернуть меня в реальность.

Глава 4.

###Усталость давила на тело неподъемной, расплавленной свинцовой плитой. Каждая мышца ныла после тяжелой, изнуряющей ночи в мертвых руинах замка, а в висках еще пульсировало эхо запретных заклинаний на латыни. После горячего душа я даже не пыталась переодеваться в пижаму. Набросив на абсолютно голое тело первую попавшуюся под руку огромную, растянутую футболку пропахшую моими любимыми духами… я рухнула на постель. Голова едва коснулась подушки, как сознание провалилось в густую, удушливую темноту без сновидений.Но этот сон не принес желанного покоя. Сначала сквозь веки пробился странный, неестественно золотистый свет. Он слепил, прожигал кожу сквозь глазницы, заставляя ресницы дрожать. Я с трудом приоткрыла глаза, тяжело и прерывисто выдыхая. Дверь в мою спальню была приоткрыта. Оттуда лился призрачный, лунный свет — но лампа в коридоре Алфеи никогда не горела так холодно и таинственно. Сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле. Сама не понимая, как оказалась на ногах, я бесшумно соскользнула с кровати. Босые стопы коснулись прохладного пола. Шаг за шагом я приближалась к двери. В полумраке коридора возвышался высокий, знакомый до боли силуэт. Это он… Боже мой, это он!… Валтор стоял абсолютно неподвижно, застыв у моего стола и глядя на догорающий огарок свечи. Я не думала ни секунды, разум полностью отключился, уступая место живому, дикому порыву. С хриплым, сдавленным всхлипом я бросилась к нему, обвивая руками его тело, впечатываясь телом в его грудь.— Боже… Валтор… ты пришел… — захлебываясь слезами, шептала я ему в самое сердце, цепляясь пальцами за его темную одежду, боясь, что стоит мне моргнуть — и мираж растает.Он медленно, с невероятным трепетом наклонился и прижал меня к себе так крепко, что ребра затрещали. Уткнувшись лицом в мои волосы, он судорожно, жадно вдохнул мой запах — тот самый медовый и теплый, о котором он говорил мне прежде, зарываясь пальцами в мои распущенные пряди.— Валтор… молю, не уходи… — продолжала всхлипывать я, чувствуя, как горячая влага заливает его рубашку.

Его сильные, холодные руки скользнули с моей спины ниже, охватывая за бедра. Одним плавным, безусильным движением он приподнял меня, словно я ничего не весила, и мягко затворил за нами дверь. Развернувшись, он направился к моей постели. Аккуратно опустив меня на простыни, он навис сверху, накрывая меня целиком своей широкой тенью. Его пронзительные серые глаза впились в мои голубые — растерянные, влажные, в лихорадочном блеске желания и боли. Будто в бреду, задыхаясь от переполнявших грудь чувств, я слабо протянула:

— Я так скучала по тебе…

Слова были лишними. Его губы коснулись моего виска, скулы, опустились на дрожащие губы, оставляя влажный, тягучий поцелуй, и медленно скользнули по шее, заставляя меня выгнуться дугой. Его ладони тем временем блуждали по моему телу: одна скользнула по ноге, легко задрала край широкой футболки, оглашая бедро и поднимаясь все выше, к чувствительной коже живота. А второй рукой он медленно расстегнул и сбросил с себя рубашку.

Я жадным, затуманенным взглядом впитывала каждую деталь его обнаженного тела, которого еще не касалась никогда. Сильное, мускулистое тело, пересеченное белыми шрамами от жестоких сражений со светом, который ненавидел его и клеймил монстром. Сейчас этот грозный владыка тьмы был невероятно, до боли уязвим — только здесь…со мной…

Я дрожащими пальцами дотронулась до шрама на его животе, нежно оглашая рельеф кожи, а затем подняла ладони выше, к груди. В этот же миг он перехватил мое запястье своей большой ладонью. Медленно поднес мою руку к губам и оставил благоговейный, долгий поцелуй на внутренней стороне запястья. И в ту же секунду меня прошиб ледяной, парализующий пот. Под моей ладонью, прижатой к его груди, не было ни единого толчка. Абсолютная, звенящая, мертвая тишина. Его сердце не билось. Осознание ударило сильнее любого боевого

заклинания. Он все еще мертв. Я обнимала лишь фантом, созданный моей безумной тоской. Глаза мгновенно застила пелена, и горячие, горькие слезы ручьями покатились по щекам. Он не отстранился.

С тем же бесконечным, надрывным трепетом он большими пальцами аккуратно стирал влагу с моих щек, целуя мои пальцы, мокрые от слез.

Одним плавным движением он потянул за край футболки и полностью обназил меня, освобождая от остатков ткани.

Его зрачки расширились, поглотив радужку, сделав глаза почти черными от разгорающейся страсти. Он жадно, каждым дюймом взгляда впитывал мое обнаженное, дрожащее от прохлады комнаты тело — белья на мне не было, после душа я упала в кровать без сил, мне было не до этого.

Его пальцы невесомо очертили мои ключицы, плечи, скатились к талии и бедрам. Укладывая меня глубоко на подушки, он осыпал поцелуями каждую сантиметр моей кожи, медленно опускаясь все ниже, пока не устроился между моих ног.

Его теплая, уверенная рука скользнула с живота к моему лону — уже влажному, сочащемуся от одного лишь его вида, от лихорадочного ожидания. Он начал гладить меня снаружи, круговыми, уверенными движениями лаская чувствительную плоть.

— Мхх…Валтор… Я…. — вырвалось с моих губ сладким сдавленным стоном, заставивший меня выгнуться в спине.

Он посмотрел мне в глаза, и в полумраке мелькнула редкая, почти нежная улыбка:

— Я знаю, принцесса. Я здесь. И я не причиню тебе боли.

Продолжая оглаживать меня снаружи, вплетая пальцы в долгий, жадный поцелуй, где наши языки сливались в едином неистовом танце, он медленно, аккуратно протолкнул один палец внутрь меня. Я судорожно вздохнула, вперив пальцы в простыню. Его губы жарко целовали мою шею, пока палец ритмично и глубоко входил и выходил, а большим пальцем он нежно массировал набухший клитор, размазывая всю выделившуюся смазку, доводя меня до исступления.

Я чувствовала, как сильно напряжено его тело, как упирается в бедро его горячий, пульсирующий член. Мне до боли хотелось прикоснуться к нему, утонуть в нем окончательно. Дрожащими, испаришимися от возбуждения руками я расстегнула ремень его брюк и спустила их, освобождая его.

Я обхватила его рукой, медленно, с трепетом ведя ладонью по стволу. Он тяжело, прерывисто дышал мне в самое ухо, утыкаясь лицом в мои волосы и глухо выдыхая, теряя над собой контроль.

Он знал, что у меня никогда никого не было. И он ждал моего разрешения с невероятным, почти животным трепетом, сдерживая собственное пламя ради моего комфорта.

Я сама, перехватив инициативу, направила его член к своим влажным, приоткрытым складкам и слегка притерлась. Он задохнулся от этого движения, но не спешил — он начал двигать бедрами вперед и назад сам, снаружи по нежным губам, безумно медленно, ювелирно аккуратно.

Кто бы мог подумать, что этот ужасный, проклятый всеми монстр может быть настолько нежным?

Приподнявшись на локтях, он жадно смотрел на мое лицо, на то, как я покусываю губы от удовольствия, как блестит влага на внутренней стороне бедер в лунном свете. Он взял свой член в руку и провел головкой по моей влаге, запрокинув голову и издавая низкий, утробный стон…

Встретившись со мной взглядом и прочитав в моих глазах абсолютное, безумное согласие, он медленно толкнулся вперед. Мои ногти впились в его бока, но он перехватил мои кисти, переплел наши пальцы и настойчиво поцеловал ладонь в момент глубокого вхождения.

— Агх… Валтор… — выдохнула я, замирая от переполнявших ощущений.

Боли не было вообще. Совсем не так, как рассказывали подруги — никаких разрывов, никакой кричащей боли. Было лишь невероятное, заполняющее каждую клеточку горячее тепло и абсолютное, первобытное чувство безопасности с ним.

Войдя наполовину, он остановился, нежно проведя пальцем по моим губам, давая перевести дыхание. А затем вошел до самого основания, глубоко, тяжело уткнувшись лицом в мою шею… Мир вокруг перевернулся. Я выгнулась в спине.. Он двигался размеренно и глубоко, покрывая поцелуями мою грудь, захватывая губами сосок, лаская его языком, изводя меня..

Приподняв меня за талию, он посадил меня сверху. Я обхватила его руками за плечи, чувствуя каждый шрам на его коже, и начала двигаться вверх и вниз, подчиняясь дикому ритму страсти, целуя его в висок, теряя рассудок в этом всепоглощающем пожаре…

Вдруг откуда-то извне, сквозь пелену горячечного бреда, донесся резкий, требовательный звук.

Кто-то звал меня по имени.

— Блум…

Что делает Стелла так поздно во дворе?

— Блуууум…

Да подожди же ты…

— БЛУУУМ!!

Я резко распахнула глаза, судорожно хватая ртом воздух.

— Блум! Вставай, черт возьми! Гризельда нас сожрет за опоздание на утреннее построение! Ну же, открывай глаза!!

***

Глава 5.

Гризельда снова метала молнии на утреннем построении, отчитывая нас за рассеянность, опаздывания и вечно витающие где-то в облаках мысли. Ее резкий, пронзительный голос резал слух, но сквозь эту суету я прорывалась словно сквозь вату. Подруги пытались прикрыть меня, Стелла мягко подталкивала локтем в бок, возвращая в реальность на лекциях по барьерной магии, а я просто ждала.

Я ждала, когда солнце окончательно рухнет за горизонт, когда башни погружались в глубокий, мертвый сон, а преподаватели погасят магические светильники в коридорах.

***

Замок встретил меня знакомым, ледяным дыханием ночи.

Я стояла посреди главного зала, прямо в центре выжженного на каменных плитах рунного круга. В темноте тускло мерцали начерченные кровью и пеплом символы. Подняв руки ладонями вверх, я почувствовала, как метка на моем левом запястье начинает тлеть глубоким, лихорадочным пурпуром. Вокруг меня взметнулся невидимый вихрь магических искр, заставляя воздух гудеть от напряжения.

— Вернись, — прошептала я сквозь стиснутые зубы, и тихий шелест вмиг перерос в жесткий, безумный приказ, полный отчаянной мольбы: — Слышишь меня? Вернись!

Магический пурпур залил стены багровыми отблесками, выхватывая из темноты обломанные колонны. Я вкладывала в этот зов всю свою боль, всю иссушающую тоску, всю ярость своего пламени, заставляя каждую клеточку тела гореть на пределе.

Но в следующую секунду искры ритуала взмыли к сводам… и со звонким треском рассыпались в серый пепел. Магия погасла мгновенно, оставив после себя липкую, звенящую темноту.

Звук тихого *«...пшшш»* растворился в тишине руин.

Внутри меня что-то оборвалось с сухим хрустом. Снова энергии не хватает.

Удар разочарования был настолько сильным, что у меня подогнулись колени. Резкое падение в темноту после ослепительной вспышки выбило из легких весь воздух. Я бессильно опустилась на холодный камень прямо среди рассыпанных фолиантов и старых записей.

Дрожащими руками я накинула на плечи его бордовый плащ. Тяжелая ткань все еще хранила слабый, но такой родной запах — дым, озон, горьковатая медь и он сам. Я уткнулась лицом в высокий воротник, жадно, до боли в груди вдыхая этот аромат, позволяя нежности смешаться с удушающей тоской.

Но плащ не мог заменить его тепла.

Я опустила взгляд на свои исцарапанные, дрожащие пальцы. Кожа на подушечках была содрана в кровь от долгого перелистывания древних страниц и работы с силой. На тёмный пергамент упала первая багровая капля. За ней вторая.

Кровь — тоже валюта.

— Я заплачу любую цену, — прошептала я в темноту, даже не колеблясь.

Если для прорыва между мирами нужна моя кровь, моя жизненная сила, мои годы — пусть забирает всё. Я не отступлю.

Я сидела, прижав колени к груди, умирая от запредельной усталости, а мой затуманенный тоской взгляд был прикован к едва тлеющим углям костровища. Плащ укутывал меня с головой, но внутри было пусто и ледяно.

А вдруг он и правда остался только пеплом?

Мысль полоснула по сердцу раскаленным лезвием. Надежда, которая питала меня все эти месяцы, истончалась, превращаясь в паутинку, готовую порваться от любого дуновения ветра. Мое лицо наполовину утопало в глубокой тени руин, и в этой тени мне чудился его силуэт.

И тогда память услужливо подбросила яркий, болезненный флэшбек.

Мягкие, теплые тона пробились сквозь пелену воображения. Тот самый вечер у этого же костра. Я вижу себя — прежнюю, наивную, со светлыми испуганными глазами. И его. Валтор сидит на соседнем камне, чуть склонив голову, с той самой фирменной, опасной и невыносимо притягательной ухмылкой на губах. Он медленно протягивает мне руку.

И тихий, бархатный голос звучит прямо в моей голове, обжигая изнутри: — *От меня так просто не избавиться, принцесса.*

Сладкая, пронзительная боль памяти прошила насквозь. Я резко, судорожно открыла глаза, срывая с ресниц пелену сна.

Вокруг не было никого. Только голые, холодные камни, мертвый ветер в оконных проемах и я. Одна.

Падение из иллюзорного тепла в ледяную реальность оказалось жестоким. Но его здесь нет. Только я и его тишина.

Я бессильно уронила голову на раскрытый фолиант. Медные волосы рассыпались по пергаменту, закрывая строчки старых заклинаний, а рука с фиолетовой меткой безвольно свесилась к земле, касаясь холодной пыли.

Может, пора отпустить? Как говорили девочки... Сдаться. Прекратить это безумие, вернуться в Алфею, закрыть окна, пить успокоительные микстуры Флоры и жить так, будто никакого Валтора никогда не существовало. Как все нормальные феи.

Костёр почти погас. Последние угли слабо, лениво мерцали в темноте, грозя погаснуть окончательно.

Но в самый последний момент, когда тьма казалась абсолютной и непреодолимой, сквозь узкий пролом в каменной стене забрезжил самый первый, холодный и бледный намек на рассвет.

Я приоткрыла глаза. Одинокая, чистая слеза скатилась по щеке, оставляя влажную дорожку. В моем зрачке отразился угасающий золотой отблеск последнего уголька. Губы еле слышно шевельнулись в пустом зале:

— Ещё одну ночь. Я дам себе ещё одну ночь. А потом…

Глава 6.

*** КР-Р-РАК!! ***

Словно ударом гигантского топора, пространство над Алфеей разорвалось в клочья. Из зияющей черноты разлома валом повалили орды тёмных монстров и зловещие силуэты ведьм. Апокалипсис разверзся среди бела дня, заливая внутренний двор больным, пульсирующим фиолетовым светом.

Во дворе мгновенно поднялась дикая паника. Книги полетели на траву, студентки с криками метались из стороны в сторону, не понимая, куда бежать. — В укрытие!! Купол, живо! — неслись со всех сторон отчаянные, сорванные голоса.

Преподаватели в едином порыве вскинули руки, воздвигая над академией мощный защитный щит. Золотой купол вспыхнул ослепительным светом, отражая первые волны чудовищ. Но под ударами сотен тёмных тварей барьер задрожал. По золотой поверхности побежали зловещие паутинки трещин: **тррс... тррс...**

Феи ударили светлой магией. Чистые, теплые лучи устремились в небеса, но вязли в густой, удушающей черноте врагов. Монстры проходили сквозь светлые заклинания почти не глядя, словно те были лишь утренним туманом. Свет оказался абсолютно бессилен против того, что было гораздо старше и темнее самого света.

Защитный купол лопнул тысячами светящихся осколков. Тьма хлынула во внутренний двор лавиной, сбивая с ног преподавателей и отбрасывая их к стенам корпусов. Последний рубеж обороны пал.

В пылающих коридорах академии творился кошмар. Я слышала эхо криков из внутренних галерей, где Муза и Лейла из последних сил прикрывали младших фей, а Стелла удерживала искрящийся лучевой барьер, в то время как огромный клыкастый монстр уже нависал над ними, занося лапу для удара. — Где Блум?! — отчаянно крикнула Стелла, задыхаясь от напряжения и страха. — Нам нужна Блум!

Двор захлебывался в полумраке. Студентки жались к холодным стенам, закрывая головы руками перед лицом неминуемой гибели. Враг занес клинок для решающего удара.

И тогда из густой тени у главных ворот вышла… тьма посветлее.

Я шагнула вперед, сбрасывая с плеч привычный мирские оковы. Больше не нужно было прятаться. Хватит бежать от самой себя.

Я предстала в своем истинном, тёмном воплощении. Мои огненно-рыжие волосы развевались на пронизывающем ветру, золотые глаза горели хищным, неземным огнем.

Мои зрачки сузились в вертикальные щели, а метка на левом запястье вспыхнула. — Не трогайте… Мой… Дом, — тихо, но так страшно и весомо произнесла я, что звук моего голоса перекрыл грохот битвы.

Я вскинула руку. Вокруг меня мгновенно распустился дикий вихрь багрово-пурпурного пламени, а в воздухе закружились древние руны Валтора.

Взрыв малинового света разорвал полумрак. Я двинулась вперед в смертоносном стиле Валтора. Тьма стилалась из моих пальцев послушными плетьми, а монстры падали десятками, сметаемые одной волной моей воли. *Он научил меня танцевать с огнем. Смотрите, как я танцую.*

Одним резким движением я воздвигла непроницаемый купол из тёмного пламени, закрывая испуганную группу студенток. Малыши-феи за моей спиной с благоговейным трепетом смотрели на разворачивающуюся бойню. — Она… нас спасает? — прошептала одна из первокурсниц со слезами на глазах, прижимаясь к стене.

Эпицентр битвы полыхал слепяще-малиновым светом. Вокруг меня бушевал шторм тёмного огня. Монстры, ощутив первобытный ужас перед истинной силой, начали в панике отшатываться, а некоторые бросились обратно к разлому.

Но я не собиралась их отпускать.

Взмахнув рукой, я взмыла в воздух — не взмахивая крыльями, а левитируя чистой волей. Направив всю скопившуюся ярость в единый поток, я ударила столбом багрового огня прямо в сердце разлома.

ВШШШШ..

Пространственная брешь захлопнулась с глухим звуком. Небо над Алфеей начало стремительно светлеть, сбрасывая с себя остатки грозовой пелены.

Последние монстры рассыпались пеплом по брусчатке. Я мягко опустилась на землю, пламя вокруг меня тихо погасло. Тишина. Я снова могу дышать.

Но когда рассеялась дымка, воцарилось другое молчание. Студентки по кругу медленно отступали от меня, прижимаясь к стенам и глядя на меня расширенными от ужаса и недоверия глазами. *Они видели. Теперь они знают, кто я.* Одиночество спасителя леденило душу сильнее любой магии.

Двери главного корпуса резко распахнулись. На крыльцо вышла мисс Фарагонда, ее лицо было суровым и непреклонным. Толпа замерла в ожидании немедленного приговора. — *Теперь её изгонят…* — пронесся по рядам испуганный шепот.

Фарагонда медленно спустилась по ступеням и подошла ко мне. Директор всматривалась в мое израненное лицо — в следы от слез на щеках, в стертые в кровь пальцы, в преданность родному дому, полыхавшую в моих уставших золотых глазах.

— Покажи мне руки, дитя, — мягко произнесла Фарагонда.

И повернувшись к замершим профессорам и перепуганной толпе, директор громко, на весь двор, положила руку мне на плечо:

— Посмотрите на нее! Она защитила нас, она не враг. Она полюбила его, а против любви не пойдёшь… Они связаны первородным огнем, и это было предрешено. Ступай к себе, милая, тебе нужно отдохнуть.

Все опустили головы. Тяжелые тучи над академией окончательно разорвались, пропуская потоки теплого, золотого солнца на раненый двор.

Глава 7

Я брела сквозь ночной лес к руинам цитадели, чувствуя себя донельзя пустой, словно выжженная изнутри оболочка. Плечи были опущены, а ноги — тяжёлыми, будто свинцовыми после той страшной, изнуряющей битвы во дворе Алфеи. Я справилась. Я защитила школу, отстояла стены, уберегла девочек и Совет. Все вокруг говорили о победе. Но внутри меня зияла ледяная, абсолютная пустота. Я спасла всех. Кроме одного. Кроме того, кто был мне дороже собственного дыхания, чьё отсутствие выжигало душу сильнее любого пламени.

Добравшись до замка, я бесшумно ступила в холодный проём главного зала и опустилась прямо на каменный пол у едва тлеющего кострища. Угли умирали, а равнодушная, ледяная луна заливала безжизненным светом осыпанные обломками своды.

Я просидела так долгие часы, сгорбившись среди потрепанных манускриптов и оплывших свечей, плотно запахнув на плечах его бордовый плащ. Мой взгляд был мёртвым и потухшим.

Хватит. Больше нельзя так жить. Он не вернётся. Я отпускаю.

С горькой дрожью в пальцах я медленно протянула руку к левому запястью. Метка… она больше не тлела. Тот глубокий пурпурный свет, что так долго согревал меня в самые тёмные ночи, окончательно исчез, оставив лишь гладкий, серебристый шрам на коже. Наша связь оборвалась. Обручилась с тишиной. Я судорожно вздохнула, чувствуя, как слёзы подступают к горлу, и потянулась к последней догорающей свече на старом дубовом столе, чтобы задуть её навсегда.

— Прощай, Валтор… — сорвался с моих искусанных губ едва слышный шепот, полный бесконечной боли.

Я закрыла глаза, позволяя себе впервые за долгое время сдаться. Тонкая слеза сорвалась с ресницы и медленно покатилась по щеке, упав прямо на пепел. Этот тихий звук прозвучал громче раската грома. Абсолютная, звенящая тишина руин окружила меня со всех сторон. Это была точка. Конец надежды.

Но в следующую долю секунды воздух над остывшим кострищем вдруг содрогнулся. Пространство затрещало по швам, словно тонкое стекло. Я резко распахивала глаза, судорожно вскидывая голову. Что-то было не так. Инстинкты феи завопили о грозящей опасности. Воздух вокруг загудел низким, зловещим вибрирующим звуком. — Что… такое? — сорвалось с моих губ испуганно, когда по древним каменным стенам заплясали чужие, мерзкие фиолетово-зеленые отсветы.

Пространство надо мной разорвалось рваным, кровоточащим порталом, и из него на холодные плиты руин тяжело вывалились три кошмарные фигуры. Три Древние Ведьмы. Костлявые, сгорбленные, облаченные в рваные, смердящие тленьем лохмотья, они источали вокруг себя густой смрад древней, гнилой магии. — Вот ты какая, маленькая искра, — прошипели они хором, скалясь в отвратительных, хищных ухмылках, полных злобы и предвкушения легкой расправы.

Я вскочила на ноги, превозмогая ломоту в теле, и рефлекторно вскинула руку, пытаясь вызвать хотя бы искру пламени. Но после недавней защиты Алфеи мои резервы были истощены до абсолютного ноля. Ладонь лишь жалко заискрилась и тут же погасла. Ведьмы торжествующе защихали, уверенные в своей безнаказанности, и начали синхронно собирать вокруг скрюченных пальцев смертоносную, концентрированную тёмную энергию.

Не дав мне даже шанса на защиту, они ударили мощнейшим залпом в спину.

Вспышка боли пронзила меня насквозь. Меня со страшной, сокрушительной силой отшвырнуло вперед, прямо в массивную каменную стену замка. С треском раскололся древний камень под моим ударом, ребра пронзила острая, невыносимая боль, выбившая из легких

последние остатки воздуха. Я беззвучно открыла рот, хватая ртом пыль и холодный воздух, не в силах даже закричать.

Я безвольно, тряпичной куклой сползла по стене на ледяной пол. Кровь струилась по моему лицу из рассеченной скулы, одежда была безнадежно испорчена и разорвана, а грудь вздымалась тяжело и прерывисто.

Так вот как это кончится. Здесь, у нашего остывшего костра. Странно, но в этот момент внутри не было паники. Было лишь умиротворяющее облегчение. Скоро этот бесконечный кошмар завершится. Скоро я перестану чувствовать эту невыносимую тоску.

Три ведьмы медленно, с наслаждением нависли надо мной. Их безобразные, покрытые цыпками костлявые руки потянулись вперед, формируя финальный, разрушительный сгусток энергии, который должен был окончательно стереть меня с лица этого мира. — Хи-хи-хи… спи спокойно, девочка, — злобно прошипели они, и малиново-белый заряд в их руках разгорелся с ослепительной, невыносимой яркостью.

Я приподняла тяжелые, налитые свинцом веки. Я смотрела не на них. Мой взгляд был прикован к серым, мертвым углям нашего костра. Последнее, что я хотела сделать перед тем, как раствориться во тьме — произнести его имя в последний раз. Губы едва заметно шевельнулись, срывая с себя тихий, надрывный шёпот. — Валтор… — выдохнула я, отдавая ему последние крупицы своей жизни.

И в тот же самый миг, в ответ на мой зов, в безжизненных углях вспыхнула и засияла слепящая, яростная искра.

Земля под ногами замерших ведьм со страшным, оглушительным грохотом треснула надвое. Из глубоких, раскаленных разломов фонтаном ударило багровое, ревущее пламя. — Что такое?! Нет, погоди… — в ужасе завизжали ведьмы, шарахаясь от разверзающейся под ними пропасти. Охотницы в одно мгновение превратились в затравленную добычу.

Из самого эпицентра расколотой земли взметнулось ОНО. Чудовище, сотканное из чистой первородной тьмы, пепла и неукротимого пламени. Его кожа была изрезана глубокими трещинами, из которых струился ослепительный малиновый свет, а исполинский, рваный силуэт заполнил собой всё пространство зала, вселяя первобытный ужас. Его яростный, звенящий рев разорвал ночную тишину наотмашь, заставляя дрожать каменные своды.

От этого звука ведьмы оцепенели, их ветхие лохмотья и седые волосы отбросило назад мощнейшей ударной волной. — ЭТОГО… просто не может быть! — прошептала старшая ведьма голосом, сорванным от чистого, животного страха.

Я лежала на холодных камнях, прижавшись спиной к стене, и широко раскрытыми, полными слёз глазами смотрела на него. Он услышал меня. Он пришёл сквозь саму смерть.

Не помня себя от неистовой ярости, демон ринулся на Древних Ведьм. Тьма и исполинские когти впились в их колдовство, с легкостью разрывая многовековую тёмную магию в мелкие клочья. Первая ведьма истошно завопила, когда её тело охватило неумолимое багровое пламя, и в считанные секунды она рассыпалась в серый, безликий прах. — ...ссс... — прошелестел безразличный ветер по руинам. Вторая попыталась спастись бегством через открытый разлом, но её настигла сокрушительная, хлынувшая из воздуха огненная плеть. — А-а-а!.. — захлебнулась предсмертным криком вторая колдунья.

Чудовище взмахнуло когтистой лапой в финальном ударе, стирая третью ведьму в раскаленный порошок. Пепел густым облаком закружился в воздухе багровыми искрами. Тяжело, содрогаясь всем своим массивным телом, Валтор замер среди рассеявшегося дыма.

Я лежала неподвижно у стены, не в силах оторвать от него взгляд. По моему израненному лицу продолжали катиться слёзы — но теперь это были слёзы не от боли, а от оглушительного, абсолютного шока и невероятной, пробивающей до дрожи надежды. Напротив меня возвышалась громада замершего демона. Его тяжелое, жаркое дыхание эхом разносилось по пустому

залу. Наши взгляды наконец встретились — в темноте горели лишь два источника света: слабое сияние моих слёз и его живое, тлеющее малиновое пламя.

Он вернулся. Он правда вернулся ко мне.

Глава 8.

Время вокруг нас словно замерло, превратившись в густую тишину, в которой отчетливо было слышно лишь то, как бешено, надрывно и отчаянно колотится мое собственное сердце. Каждое биение отдавалось в ушах болезненным молоточком, напоминая о хрупкости мира, висевшего на волоске между жизнью и небытием.

Чудовищный силуэт, еще мгновение назад внушавший первобытный ужас всему Магиксу, вдруг качнулся. Мощные, рассекающие мрак демонические крылья тяжело, безвольно опустились к холодной земле. Валтор сделал один шаг ко мне — всего один шаг сквозь пепел, дым и руины — и в этот самый миг колоссальные, первородные силы, питавшие его темную оболочку, иссякли до самого дна, оставив после себя лишь выжженную пустоту. Он потратил на меня всё, что осталось. Без остатка. Каждый уголек своей мятежной души, каждую унцию древней тьмы и багрового пламени он отдал без колебаний, чтобы вырвать меня из лап смерти, чтобы защитить от трех вековых кошмаров. Он сгорел ради меня во второй раз, доказав то, во что многие боялись поверить.

Демон тяжело, со страшным, глухим стоном валился на колени прямо передо мной. Каменный пол древнего зала содрогнулся от этого удара. Багровое тление, пульсировавшее в глубоких трещинах его обсидиановой кожи, начало стремительно блекнуть, превращаясь в тусклые, умирающие искры, которые тут же уносил ледяной ночной сквозняк. Я затаила дыхание, чувствуя, как внутри меня обрывается последняя струна. Не помня себя от вспыхнувшего ужаса, я подалась вперед, протягивая к нему дрожащие руки. И в этот миг жуткая, монолитная броня из пепла и застывшей лавы начала трескаться. Словно сухая кора под воздействием невидимого внутреннего жара, чешуя осыпалась вниз серой пылью, обнажая хрупкую правду. Опадающий пепел шелестел, устилая землю серым саваном.

Сквозь раскалывающуюся демоническую маску проступали знакомые, родные до боли человеческие черты. Вот из-под темных наслоений показалась прядка пшеничных волос, упавшая на его бледный, изможденный лоб. Вот проступили контуры его тёмной, истлевшей от пламени одежды... Пепел опал окончательно, растворяясь в вечернем воздухе. Прямо передо мной, припав к холодному камню руин, лежал Валтор. Окровавленный, смертельно бледный, израненный до предела, но живой. По-настоящему живой, из плоти и крови человек. Его длинные угольные ресницы мелко-мелко дрожали, тщетно пытаясь разлепиться. Лицо было расслабленно в изнеможении, а на щеках залегли тени глубокой, невыносимой усталости. *Это он. По-настоящему он...*

Все мысли в моей голове выгорели в один миг. Острая боль в ребрах, ссадины на лице, страх, недавнее удушающее отчаяние — всё это растворилось, испарилось, не имея больше ровно никакого значения. Забыв про собственные раны, про разорванную одежду и выжженные до дна резервы магии, я сорвалась с места. Земля буквально уходила из-под ног, но мне было абсолютно все равно.

— Валтор!! — крик, сорвавшийся с моих искусанных губ, эхом отразился от высоких каменных сводов зала, утопая в горячих, обжигающих слезах.

Я рухнула на колени рядом с ним, прямо в лужу багровых искр и остывающего пепла, и отчаянно, судорожно обхватила его руками. Я прижимала его тяжелое, безвольное плечо к своей груди, утыкаясь лицом в его холодную шею, заливая его кожу потоком безудержных, очищающих слез.

— Ты живой… Боже мой, ты живой… — шептала я, задыхаясь от всхлипываний, вцепившись пальцами в его рубашку так крепко, что суставы пальцев побелели от напряжения. Это была прямая, звенящая рифма с тем страшным утром во дворе Алфеи. Тогда я точно так же держала его бездыханное тело на руках, умоляя не уходить, крича в пустоту. Но сейчас все

было иначе. Сейчас это была не агония прощания, а безумное, выстраданное воскрешение, чудо, сотворенное любовью и жертвой.

Прошла секунда. Или целая вечность. Время потеряло всякий смысл. Валтор медленно, через невероятное, почти нечеловеческое усилие, приподнял голову с моего плеча. Его тяжелые веки дрогнули и наконец распахнулись. Передо мной предстали те самые серые глаза — глубокие, бездонные, слегка затуманенные болью, но бесконечно живые и родные. Он смотрел на меня так, будто заново учился дышать, заново открывая для себя этот мир. Его взгляд нашел мое заплаканное лицо, задерживаясь на каждой слезинке, на каждом перепачканном сажей участке кожи.

Наши лица оказались совсем близко. Я — вся дрожащая, растрепанная, с алыми от слез глазами; он — бледный, но смотрящий на меня с тем самым неповторимым выражением, в котором читалась вся глубина невысказанной, пронесенной сквозь века нежности. Даже сейчас... Его слабая, дрожащая рука приподнялась и легко коснулась моей щеки. Теплые пальцы нежно стерли соленую дорожку слез. И тогда на его окровавленных, сухих губах проступила она. Та самая наглая, невыносимо самодовольная ухмылка, от которой у меня одновременно замирало сердце и хотелось швырнуть в него первый попавшийся камень. Его большой палец аккуратно провел по моей коже, смахивая очередную каплю. Это был он. Прежний Валтор. Несломленный бунтарь, не признающий никаких авторитетов.

Он слегка приоткрыл губы, и из его груди вырвался хриплый, тихий голос:

— Ну чего ты ревёшь, принцесса… — уголки его губ тронула слабая, но теплая улыбка. — Я же обещал… от меня так просто не избавиться.

От этих слов внутри меня словно рухнула последняя преграда. Я одновременно всхлипнула и громко, истерически рассмеялась — прямо ему в плечо, зарываясь пальцами в его волосы, втягивая знакомый запах его кожи.

— Дурак… полный, невыносимый идиот… — смеялась я сквозь слезы, чувствуя, как счастливый ком перекрывает дыхание.

Я резко притянула его к себе, и наши лбы соприкоснулись.

— Ненавижу тебя… — шептала я, чувствуя, как он слабо, но отчетливо усмехается в ответ. — Как же сильно я тебя ненавижу…

И в следующую секунду наши губы встретились. Это был катарсис. Все месяцы одиночества, холода, страха, сомнений, боли и отчаяния — весь этот темный лед сгорел в одном-единственном, всепоглощающем костре. Вокруг нас взвился мягкий, переливающийся багрово-золотой свет, а остатки пепла закружились в воздухе легкими, светящимися лепестками, словно благословляя наш трудный, выстраданный союз.

Мы целовались долго, отчаянно, жадно, стирая грань между жизнью и смертью, между прошлым и будущим. Весь холод этих месяцев сгорел в одном костре. Когда мы наконец отстранились, тяжело и счастливо дыша, я прижалась щекой к его груди, слушая, как уверенно и сильно стучит его сердце. Оно билось в унисон с моим. Мы выжили. Мы прошли сквозь ад и вернулись друг к другу. И впереди у нас была вся вечность, сотканная из огня и любви.

Вокруг нас всё еще клубился пепел разрушенной битвы, но этот мертвый воздух теперь казался чистейшим горным кислородом. Каждая клеточка моего израненного тела отзывалась тупой, но уже не страшной болью. В этой тишине ночных руин больше не было одиночества. Было только тепло его дыхания, касающегося моей щеки, и уверенность в том, что больше никто и ничто в целом измерении не сможет нас разлучить. Мы заплатили за эту секунду слишком высокую цену — страхом, кровью, сомнениями и пеплом. Но оно стоило каждой пролитой слезы.

Его рука все еще лежала на моей пояснице, прижимая меня к себе с той же неизменной силой, с какой он когда-то пытался подчинить себе этот мир, а теперь просто держал меня, словно самое ценное сокровище во всех мирах. Я закрывала глаза и видела вспышки нашего

общего прошлого, искры того самого Пламени, которое связало нас задолго до рождения звезд. Никакие законы Совета, никакие пророчества Алфеи, никакие армии тьмы не имели над нами больше никакой власти. Мы были свободны. Свободны в своей любви, в своей силе и в своем выборе.

Я помнила каждый его взгляд, каждое прикосновение, каждый оттенок его голоса в те дни, когда казалось, что мир рушится. Люди судят о свете и тьме по обложке, не понимая, что истинная сила кроется в гармонии двух начал. Без тьмы свет слеп, а без света тьма холодна и мертва. Мы с ним были двумя сторонами одной медали, двумя искрами единого великого пламени, расколотого в начале времен. И теперь, когда круг замкнулся, вселенная вернулась в равновесие.

Он слабо улыбнулся в ответ на мои мысли, словно услышав их сквозь молчание. Его пальцы зарылись в мои спутанные волосы, слегка оттягивая пряди назад, заставляя меня посмотреть на него еще раз. В этом взгляде не осталось ни капли прежней холодности или высокомерия — только бесконечная преданность и таинственное, теплое сияние человека, который нашел свой дом в моих глазах.

Ночь постепенно отступала, уступая место предрассветным сумеркам. На горизонте над башнями Алфеи занималась первая розовая полоска нового дня — дня, в котором не было места страху перед будущим. Мы сидели среди осыпанных пеплом камней старого замка, прижавшись друг к другу так близко, что казалось, будто нас можно расплавить и выковать заново из единого куска раскаленного металла. И пусть весь Магикс трепещет перед нашей силой. Теперь нам было абсолютно всё равно.

Пусть проходят века, пусть меняются эпохи и поколения фей и ведьм — наше пламя останется вечным. Никакая магия во Вселенной не способна погасить то, что зажглось в глубине наших душ. Мы выстояли, и впереди нас ждала только любовь.

Глава 9.

На гребне холма, омываемого призрачным сиянием ночной луны, бесшумно выросли три силуэта. Стелла, Муза, Лейла. Они замерли на самом краю обрыва, глядя вниз — туда, где среди осыпанных пеплом руин теплился одинокий, согревающий круг живого света. Стелла невольно прикрыла рот ладонью, а её глаза расширились от шока и растерянности. — Это… правда он? — сорвался с её губ едва слышный шепот, в котором дико смешались древнее недоверие и неожиданное, глухое тепло.

Муза и Лейла молчали. На их лицах было мягкое, глубокое понимание всего масштаба происходящего. Лейла медленно опустила руку на плечо подруге, останавливая её от любых порывов вмешаться. — Он действительно… никогда не был её врагом, — тихо произнесла Муза, глядя на то, как мы держимся друг за друга у остывающего костра. — Пусть, — кивнула Лейла, чувствуя, как утихает последняя буря в сердце. — Она наконец дома.

Мы стояли посреди пепла, тесно оперевшись друг о друга. Я поддерживала его, чувствуя, как под моими дрожащими пальцами крепится его возвращающееся, ровное дыхание. Валтор обнимал меня за плечи, укрывая от пронизывающего ночного ветра. Мы оба были изранены, в саже и запекшейся крови, но в этой разрушенной цитадели мы обрели то, ради чего стоило пройти сквозь все круги преисподней. Мы оба — обломки. Но из обломков мы построим всё заново.

В этот миг наши переплетенные ладони соприкоснулись. На моем левом запястье ярко вспыхнула, прорезая кожу мягким, пульсирующим пурпуром, та самая метка. Она отзывалась в каждой клеточке его крови, отплачивая за каждую страшную секунду разлуки. От нашей кожи пошла теплая волна света, разгоняя остатки теней. Связаны крепче, чем кто-либо думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.